

Личное обращение автора этой книги к читателям

В 1979 году, когда вышел в свет роман «Перегрузка», я публично объявил о прекращении писательской деятельности. Мои силы иссякли. За плечами была полная, насыщенная жизнь. Я был и по-прежнему остаюсь благодарным миллионам читателей во всем мире, которые сделали мою жизнь богаче в самом широком смысле этого слова. А также и за то, что они обеспечили мне возможность отойти от дел.

В оставшиеся годы жизни я был намерен уделять больше времени моей любимой жене Шейле, путешествовать, ловить рыбу, читать новые книги, отдыхать, слушая музыку, и заниматься прочими делами, которые не может себе позволить постоянно работающий писатель.

В то время я не знал, что находился буквально на пороге смерти, что в моих сердечных артериях образовалось шесть тромбов. Таков был диагноз, поставленный моим другом и лечащим врачом доктором Эдвардом Роббинсом из Сан-Франциско. Он настаивал на немедленной операции. Она была осуществлена в Техасском институте сердечных заболеваний доктором Дептоном Кули и его помощниками, которым я безмерно благодарен.

И как всегда в нашей долгой, счастливой супружеской жизни, в эти дни я ощущал поддержку Шейлы. Далеко не случайно имя героини этого романа, а ее зовут Селия, близко по звучанию к имени моей жены.

Итогом всех этих событий явилось мое возвращение в доброе здравие и приток свежих сил. Именно последнее обстоятельство побудило однажды Шейлу сказать мне: «По-моему, тебе следует написать еще одну книгу».

Я последовал ее совету. Так появилось «Сильнодействующее лекарство».

5 апреля 1984 г.

А. Х.

ПРОЛОГ

1985

В переднем салоне «Боинга-747», полчаса назад покинувшего лондонский аэропорт, в салоне для пассажиров первого класса, доктор Эндрю Джордан взял в ладони руку своей жены.

— Перестань волноваться, — успокоил он ее. — Ничего не случится.

— Что-то обязательно произойдет, — ответила ему жена. — Деннис Донэхью наверняка позаботится об этом.

При упоминании имени сенатора от штата Новая Англия, столь падкого на дешевые сенсации, лицо Эндрю скривилось в гримасе.

— У меня как раз аппетит к обеду разыгрался, — запротестовал Эндрю. — Ты что, нарочно решила его испортить?

— Я говорю совершенно серьезно, Эндрю. Не забывай, что было несколько случаев со смертельным исходом, связанных с лекарствами.

— Ты в это время отсутствовала, находилась за тысячи миль.

— Тем не менее, если начнется уголовный процесс, я попаду в число обвиняемых. Могу даже угодить в тюрьму.

Эндрю постарался отогнать тревогу.

— Пока что этого не случилось, но если тебя посадят, я обещаю приходить каждый день и приносить пирог с ножовками, запеченными в начинку.

— Ох, Эндрю! — воскликнула жена, повернувшись к нему с улыбкой, полной любви и печали.

До чего же здорово, подумал Эндрю Джордан, когда после двадцати восьми лет супружеской жизни твоя жена по-прежнему вызывает восхищение. Когда она красива, умна и сильна духом, как и в дни их юности. И дело тут вовсе не в какой-то его сентиментальности. Тысячи раз он был свидетелем проявления всех этих ее качеств, да разве только этих!

— Как славно! — Женский голос, раздавшийся за спиной, прервал их мысли.

Эндрю обернулся. Молоденькая, яркая, жизнерадостная стюардесса наблюдала, как они сидят, взявшись за руки.

— И пожилым дано любить, — невозмутимо изрек Эндрю.

— Да неужели! — в тон ему воскликнула стюардесса. — А я и не догадывалась. Подлить вам шампанского?

— Да, пожалуйста.

Краем глаза Эндрю заметил, что девушка изучает его, и в который раз не без удовлетворения отметил про себя, что до сих пор может быть привлекательным даже для столь юного создания. Как там написали про него на прошлой неделе в одной лондонской газете? Седовласый, элегантный прославленный врач, муж такой-то... И так далее, и так далее...

Шампанское было разлито, и Эндрю откинулся в кресле. Он получал удовольствие от дополнительных услуг,

сопутствующих путешествию в первом классе, даже если, как сегодня, они были незначительными. Конечно, все эти прелести жизни были им доступны благодаря деньгам жены. И хотя у него, преуспевающего терапевта, средств хватило бы на более чем сносную жизнь, Эндрю все же сомневался, смог ли бы он раскошелиться на билет в первом классе от Лондона до Нью-Йорка, не говоря уже о собственном самолете, на котором его жена, а иногда и он сам могли путешествовать по Северной Америке. Точнее — путешествовали, поправил сам себя Эндрю. Что ждет их впереди — неизвестно. Впрочем, деньги никогда не играли главной роли в их жизни. Между ними ни разу не было ни малейшей размолвки из-за денег.

С самого начала жена настояла, чтобы все их банковские счета были общими, хотя вклад Эндрю не составлял и половины.

Мысли Эндрю перескакивали с одного предмета на другой. Они продолжали держаться за руки, а тем временем «Боинг-747», мерно гудя моторами, нес их на запад над Атлантическим океаном, простиравшимся далеко внизу.

— Эндрю, — сказала жена, — с тобой так спокойно. Ты всегда рядом. И всегда такой сильный.

— Вот уж забавно, — ответил он. — Сильной-то я как раз считаю тебя.

— Сила бывает разной. Мне нужна та, что есть в тебе.

В салоне началась обычная суета, предшествующая обеда. Раскладывались и накрывались белоснежными салфетками откидные столики. На них появились столовые приборы.

После непродолжительного молчания его жена сказала:

— Как бы там ни было, я буду сражаться.

— А разве ты когда-нибудь поступала иначе?

Она задумалась, как всегда сосредоточенно.

— В ближайшие дни я найду себе адвоката. Это должен быть юрист с солидной репутацией, но без склонности к позерству. Излишнее красноречие в этом деле только навредит.

Он слегка пожал ей руку:

— Узнаю мою девочку.

Она улыбнулась в ответ:

— Ты будешь рядом со мной на суде?

— Каждый день. Пациентам придется подождать, пока процесс не закончится.

— Этого ты, конечно, никогда не допустишь, но мне бы очень хотелось, чтобы ты был рядом.

— Существуют ведь и другие врачи. Всегда можно договориться.

— Возможно, — сказала его жена, — вполне возможно, что с помощью хорошего юриста нам удастся совершить чудо.

Эндрю поддел ножом порцию икры, только что поставленную перед ним. Пусть тяжелы невзгоды, свалившиеся на их головы, но икра это икра!

— Наверняка удастся, — сказал он, намазывая икру на поджаренный ломтик хлеба. — Ведь вся наша жизнь началась с чуда. А сколько их еще потом было! И все благодаря тебе. Так почему бы не сотворить еще одно? На этот раз для себя.

— Это было бы поистине волшебством!..

— Наверняка будет, — успокоил он ее.

Эндрю закрыл глаза. От шампанского и ощущения высоты его потянуло в дремоту. И, засыпая, он вспомнил их первое чудо.

Как давно это было!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1957—1963

— Джон, ваша жена умирает, — еле слышно произнес доктор Джордан. — Остались считанные часы. — Глядя на бледное, искаженное отчаянием лицо тщедушного молодого человека в рабочей спецовке, стоявшего перед ним, он добавил: — Мне бы так хотелось сообщить вам нечто другое. Но вероятно, лучше смотреть правде в глаза.

Происходило это в больнице «Сент-Бед», в Морристауне, штат Нью-Джерси. Наступившее молчание едва нарушали звуки, проникавшие с улицы, звуки вечера, опускавшегося на маленький городок.

В полумраке больничной палаты Эндрю заметил, как конвульсивно передернулся кадык на горле мужа его пациентки, прежде чем тот сумел что-нибудь выговорить.

— Я просто не могу в это поверить. Ведь мы только начинаем жить. Все только начинается. Знаете, у нас ведь ребенок родился.

— Знаю.

— Как это все...

— Несправедливо?

Молодой человек кивнул головой. Хороший, порядочный парень этот Джон Роуэ. Сразу видно, что работага.

Всего двадцать пять лет, лишь на четыре года меньше, чем самому Джордану. Эндрю так хотелось найти слова утешения, хоть как-то смягчить удар. И хотя ему достаточно часто приходилось встречаться со смертью и он был обучен распознавать признаки ее приближения, он по-прежнему терялся, когда приходилось сообщать страшную весть близким или друзьям умирающего. Да и как, собственно, следует вести себя врачу? Без обиняков выкладывать жестокую правду или, может быть, существуют другие, более гуманные способы? Этому не учат ни в медицинском колледже, ни потом — на практической работе.

— Вирусные заболевания вообще вещь несправедливая, — сказал Эндрю, — хотя, как правило, они не ведут себя так, как в случае с Мери. Обычно они поддаются лечению.

— Но неужели нет никаких средств? Никакого лекарства?..

Эндрю отрицательно покачал головой. Какой смысл углубляться в детали, да и разве легче станет от такого ответа: пока еще нет! До сих пор нет препарата, способного вывести больного из тяжелого коматозного состояния, вызванного острым инфекционным гепатитом. Да и что изменится, если он перескажет свой утренний разговор со старшим коллегой, доктором Ноа Таунсендом, главным врачом клиники?

Час тому назад Таунсенд сказал ему:

— Сделано все, что было в ваших силах. Я бы проводил лечение точно так же.

Именно тогда Эндрю послал записку на фабрику в расположенном неподалеку городке Бунтоне, где работал Джон Роуэ.

Будь оно все проклято!

Тем временем на улице стемнело. Дождь лил всюду, и временами доносились раскаты грома. Паршивая ночь. Последняя в жизни этой молодой матери и жены, которая всего неделю назад была полна здоровья и жизненных сил.

Все это было в пятницу. А в прошлый понедельник Мери Роуэ, женщина хрупкая и миловидная, несмотря на явные признаки болезни, появилась в кабинете Эндрю. Она жаловалась на общую слабость, недомогание, на полное отсутствие аппетита. Температура у нее в тот день была 100,5 по Фаренгейту.

Эндрю проверил белки глаз Мери Роуэ. Они были желты. Желтые пятна проступали и на теле. Он прощупал печень, которая была увеличена и явно воспалена. Из краткого опроса Эндрю узнал, что в прошлом месяце Мери вместе с мужем провела короткий отпуск в Мексике. Да, они останавливались в уединенном дешевом отеле. Питались там же и пили местную воду.

— Я вас немедленно кладу в стационар, — сказал Эндрю. — Надо взять анализ крови, но я и так абсолютно уверен, что у вас инфекционный гепатит. Лечение консервативное — внутривенные вливания. Полное выздоровление у девяноста пяти процентов больных, — добавил Эндрю, — наступает через три-четыре месяца.

Что касается Мери, она сможет выписаться из больницы и отправиться домой буквально через несколько дней.

— А какова участь остальных пяти процентов? — спросила Мери с болезненной улыбкой.

— Да бросьте вы! — рассмеявшись, ответил ей Эндрю. — Эта статистика не для вас.

Вот тут-то он и ошибся.

Состояние Мери Роуэ не только не улучшилось, но, напротив, резко ухудшилось. Уровень билирубина в кро-

ви становился все выше, что указывало на стремительное развитие болезни. Впрочем, это было и так очевидно по темно-желтому оттенку ее кожи. К среде положение стало совсем тревожным. Анализы показывали опасный уровень содержания аммиака в крови. Быстро разрушающаяся печень не могла справиться с ним.

Весь четверг Эндрю испытывал нарастающее чувство горечи из-за собственного бессилия. В перерывах между приемами больных у себя в кабинете он продолжал ломать голову над этой проблемой, но так ничего и не придумал. Выздоровлению Мери, понимал Эндрю, препятствовал все нарастающий уровень аммиака в крови. Как же избавиться от него? Он знал, что эффективного способа для этого не существует.

В конце концов — и, как он теперь понимал, совершенно несправедливо — он вылил свое раздражение на девушку — агента по рекламе лекарств этой чертовой фармацевтической компании. Она появилась у него в кабинете в конце рабочего дня. Представилась коммивояжером. Или, может быть, правильнее сказать — коммивояжеркой? А впрочем, какая разница? Он не запомнил ни имени ее, ни наружности, разве что она была в очках и еще совсем юная, почти ребенок. Наверняка ни черта в своем деле не соображает!

Девушка представляла фармацевтическую компанию «Фелдинг-Рот». Уже потом Эндрю не мог понять, почему он вообще согласился принять ее, когда секретарша сообщила ему, что его ждут в приемной. Почему он разрешил впустить ее в кабинет? Видимо, рассчитывал, что удастся узнать что-нибудь новое. Однако, когда она начала рассказывать о новом антибиотике, только что выпущенном ее компанией в продажу, Эндрю углубился в свои мысли, из которых его вырвали слова девушки: «Доктор, вы совсем меня не слушаете».

Вот тут-то он и взорвался:

— А вы не подозреваете, что есть более серьезные вещи, о которых приходится думать? А вы тут сидите и отнимаете у меня попусту время.

Это была явная грубость, вовсе ему не свойственная. Но к его глубокой подавленности, вызванной состоянием Мери Роуэ, присовокупилась давняя неприязнь ко всем этим фармацевтическим компаниям с их откровенным торгашеством. Спору нет, действительно существуют хорошие лекарства, производимые крупными фирмами, но их настырные методы (в том числе подарки врачам) всегда казались Эндрю непристойными. Впервые он с этим столкнулся еще в медицинском колледже. Там шла настоящая охота за студентами. Стоило представителям фармацевтических компаний узнать, что кто-то собирается стать провизором, как его тут же начинали всячески обрабатывать. Агенты компаний щедро раздаривали подарки, в том числе стетоскопы и лекарственные наборы, и кое-кто из студентов с радостью их принимал. Эндрю к их числу не принадлежал. И хотя у него было трудно с деньгами, он предпочитал оставаться независимым и обходиться собственными средствами.

— Доктор, а из-за чего, собственно, вы так взрываетесь? Какая проблема на вас навалилась? — отреагировала на его вспышку представительница «Фелдинг-Рот».

И тогда он выложил ей все. Рассказал о Мери Роуэ, о критическом положении в результате интоксикации аммиаком и в довершение язвительно добавил свое пожелание, чтобы компании, подобные «Фелдинг-Рот», взялись за разработку препарата, способного справиться с этим явлением, а не совались с якобы «новыми» антибиотиками, в действительности ничем не лучше тех, что уже заполняют рынок...